

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ РОДИТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (РОССИЯ-ФРАНЦИЯ)

*Наталья Григорьева**

*Вероника Дюпра-Куштанина***

*Мария Шарова****

В статье рассматривается семейная политика в России и во Франции с позиции профилактики бездетности, вызванной немедицинскими факторами. Интерес к сравнительному анализу вызван тем, что, с одной стороны, Россия и Франция относятся к разным типам социального государства, а с другой – в этих странах одинаковая идеология социального обеспечения, опирающаяся преимущественно на семью. На протяжении последних десятилетий доля бездетных в России увеличивается, тогда как во Франции – уменьшается. Наиболее благоприятной для снижения бездетности представляется комплексная политика, позволяющая минимизировать негативные последствия материнства, такие как снижение уровня доходов и радикальное изменение образа жизни в целом. Политика должна быть гибкой, предоставляя молодым матерям возможность выбора момента возвращения к профессиональной деятельности, рабочего графика и форм присмотра за ребенком. Такие меры должны снять ряд препятствий на пути материнства одиноких женщин и тех, кто воспринимает супружеский союз как нестабильный, не перегружая государственную социальную систему, а родительство сделать «доступным», формируя о нем положительные представления.

Ключевые слова: семейная политика, бездетность, родительство, финансовое стимулирование рождаемости, дружественная семье политика

* Наталья Сергеевна Григорьева – д.п.н., профессор, факультет государственного управления Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, электронная почта: griгорieva@spa.msu.ru

** Вероника Александровна Дюпра-Куштанина – к.с.н., PhD (Sociology), научный сотрудник, Институт междисциплинарных исследований социальных проблем, Париж, электронная почта: veronika.kushtanina@gmail.com

*** Мария Александровна Шарова – научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, электронная почта: m.sharova@mail.ru

Начиная с 1960-х гг. в развитых странах наблюдается снижение рождаемости (Castles 2003). В России эту тенденцию можно первоначально датировать 1920-ми гг. Далее последовали всплески и падения, обусловленные различными факторами, и к 1960-м гг. Россия сравнялась с общей тенденцией индустриальных стран по низким показателям рождаемости (Вишневский 2006). В контексте изменений семьи встает вопрос об адекватности мер семейной и демографической политики¹, анализу которой были посвящены исследования типов демографической политики (Тындик 2009) и ее эффективности (Захаров 2006; Синявская, Головляница 2009). Как правило, там ставился вопрос об эффективности социальной политики в плане повышения рождаемости в целом. Мы же стараемся систематизировать анализ мер в области рождаемости и их эффективности с точки зрения стимулирования рождения первого ребенка и в сравнительном аспекте². В качестве объекта мы выбрали Россию, где рождаемость не обеспечивает простого воспроизводства населения с 1964 г. (Вишневский 2006), и Францию, где, несмотря на снижение числа рождений (относительно начала XX в.), коэффициент суммарной рождаемости стабилизировался на уровне 2-х детей в середине 1970-х гг. (Prioux 2007).

Опыт скандинавских стран 1980-х гг. доказывает, что процесс снижения рождаемости можно не только остановить, но и обратить в рост (Castles 2003). Демографы и социологи считают, что невозможно протестировать желание иметь детей, но большинство из них сходится во мнении, что можно повлиять на их количество или же устранить некоторые социальные и экономические препятствия на пути родительства. Под последними подразумеваются негативные последствия, связанные с рождением детей, такие как снижение уровня жизни и изменение образа жизни семьи в целом. Речь идет, прежде всего, о «стоимости ребенка», понимаемой как «дополнительные траты, на которые должна пойти семья, чтобы достичь того же уровня жизни, что и пара без детей» (Bloch, Glaude 1983). В фокусе исследований оказывается и политика в области возможностей совмещения семьи и работы (Esping-Andersen, Palier 2008; Григорьева 2009). Статья посвящена двум типам стимулирования рож-

¹ В настоящее время рабочей группой № 1 Координационного совета при Президенте РФ по реализации национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 и 2017 гг. разработана Концепция государственной семейной политики на период до 2025 г., которая взаимосвязана с ранее принятыми Концепцией демографической политики и Национальной стратегией действий в интересах детей.

² Статья подготовлена в рамках Соглашения № 8819 от 14.11.2012 между Министерством образования и науки Российской Федерации и Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.).

даемости: мерам, направленным на снижение «стоимости ребенка», и мерам по нейтрализации дискриминирующих эффектов родительства (в первую очередь – материнства).

Финансовое стимулирование рождаемости

В рассматриваемых нами странах присутствует ряд мер, разработанных и принятых для поддержания уровня жизни семей с детьми. Они направлены на компенсацию затрат на уход и воспитание ребенка, которые могут быть как прямыми (увеличение расходов), так и косвенными (снижение доходов в связи с прерыванием трудовой активности матери) (Thévenon 2009).

Во Франции оплачиваемый декретный отпуск длительностью от 16 до 24 недель в зависимости от числа детей предоставляется всем без исключения матерям. Пособие на ребенка было введено в 1985 г. для родителей троих и более детей, желающих прервать свою трудовую деятельность, чтобы полностью посвятить себя их воспитанию, при условии, что возраст младшего ребенка не более трех лет. В 1994 г. право на это пособие с возможностью сохранить частичную занятость получили и родители двоих детей. В 2013 г. его сумма при полном отсутствии занятости составила 388,18 евро в месяц. С 2004 г. дополнительное пособие по свободному выбору деятельности пришло на замену родительскому пособию, и право на него получили и семьи с единственным ребенком (Céline, Zajdela 2007). Существуют также единовременное пособие при рождении ребенка (923,08 евро в 2013 г.) и базовое пособие по уходу за маленьким ребенком (182,89 евро в 2012 г.). Эти пособия можно было получить при условии, что доход пары или одинокого родителя за 2011 г. не превышал 46 014 евро¹. В зависимости от уровня доходов начисляются и дополнительное пособие по свободному выбору детских учреждений, и дополнительное семейное пособие (для семей с тремя детьми, из которых младшему не более трех лет). С 2011 г. существует оплачиваемый отцовский отпуск – 11 рабочих дней.

Длительность декретного отпуска в России практически не менялась в период с 1955 г. до середины 1980-х гг. (56 дней до и после родов) (Рабжаева 2004). В начале 1980-х гг. в семейной политике наметился перелом. Отпуск по беременности и родам с сохранением полной оплаты труда² был увеличен до 112 дней (затем до 126 дней в 1990 г.) (Захаров

¹ Данные были взяты на сайте Кассы семейных пособий, которая их начисляет: <http://www.caf.fr>

² Потолок перестал существовать 1 января 2010 г.

2006). Частично оплачиваемый¹ отпуск по уходу за ребенком для женщин, имевших опыт работы, был установлен длительностью в 12 месяцев (с 1989 г. – 18 месяцев), а неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, но без прерывания трудового стажа достиг трех лет (Рабжаева 2004). Были увеличены пособия для одиноких матерей и единовременное пособие при рождении ребенка (Захаров 2006).

Сегодня ряд пособий выплачивается российским семьям без учета уровня доходов и числа детей: единовременное пособие при рождении ребенка (13 087 рублей в 2013 г.), единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях на ранних сроках беременности (до 12 недель) (491 рубль в 2013 г.). Пособие на детей выплачивается родителям детей от 0 до 16 лет региональными властями, разница объемов выплат отражает социально-экономическое неравенство регионов². Увеличенные пособия предусмотрены для детей одиноких матерей³, детей военнослужащих по призыву и детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов. В Москве в 2011 г. базовое пособие составляло 750 рублей; пособие для детей одиноких матерей – 1 500 рублей; и пособие для детей военнослужащих по призыву и детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов – 1 125 рублей⁴.

Среди мер по компенсации расходов семей на воспитание детей следует выделить и различные системы налогообложения. Так во Франции семьям с детьми предоставляются налоговые льготы. Подоходный налог взимается не автоматически с каждого начисляемого дохода, а перечисляется единой суммой в год, исходя из суммарного дохода домохозяйства. Суммарный доход всех членов семьи за год делится на количество потребляющих долей. Каждый взрослый (старше 18 лет) учитывается как доля, первый и второй ребенок в семье – каждый по 0,5 доли, а третий и последующий – каждый как еще доля (Lattès 1987).

В СССР одной из финансовых мер, направленных на стимулирование рождаемости, был «налог на бездетность», введенный в 1941 г. В 1944 г. круг налогоплательщиков был расширен за счет граждан, имеющих менее троих детей. Для рабочих и служащих, не имеющих детей, налог состав-

¹ На сегодняшний день он оплачивается в размере 40% от заработной платы. Пособие по уходу за ребенком не может быть меньше 1 500 рублей на первого ребенка и 3 000 рублей на второго и последующих. Но пособие не может превышать 6 000 рублей (Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»).

² В 2011 г. сумма базового пособия составляла от 70 до 5 000 рублей (Росстат).

³ Выражение «одинокие матери» верно отражает социальную реальность: среди одиноких родителей 95% – женщины (Duprat-Kushtanina 2013a: 192).

⁴ Данные были взяты на сайте Федеральной службы государственной статистики: <http://www.gks.ru/>

лял 6% от заработной платы, для имеющих одного ребенка – 1%, и для родителей двоих детей – 0,5%. Освобождались от налога лица, не способные завести ребенка по состоянию здоровья, и те, у которых дети умерли или пропали без вести. С конца 1980-х гг. льготы по налогу получили молодожены в течение первого года брака. «Налог на бездетность» был отменен с 1 января 1992 г. (Русанова 2009). Известных нам исследований эффективности данного налога в борьбе с бездетностью нет. Некоторые и по сей день видят в нем решение демографических проблем России (Толпегин, Соколова 2012), по крайней мере, рассматривают эти поступления как дополнительный источник финансирования семейной политики.

В России новая волна пронаталистской политики наметилась со второй половины 2000-х гг. С 2007 г. был введен комплекс мер, предусматривающих усиление социальной поддержки семей с детьми: были увеличены размеры пособия по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет, и предоставлено право на его получение в минимальном размере неработающим матерям. Право на материнский (семейный) капитал в размере 250 тыс. рублей⁵ было предоставлено семье при появлении второго и последующего ребенка. Была введена частичная компенсация платы за содержание ребенка в государственном и муниципальном дошкольном образовательном учреждении (дифференцированная в зависимости от числа детей).

Однако исследованиями установлено, что реальная «стоимость ребенка» зависит от ряда факторов и в первую очередь – от уровня благосостояния семьи (Bloch, Glaude 1983). Но даже в наименее обеспеченных семьях пособия едва ли могут покрыть реальные расходы на ребенка. Так в России ежемесячная государственная помощь возмещает 5–7% необходимых затрат на детей в семьях с доходом ниже черты бедности (Леманова 2012). Во Франции, как и в России (Ниворожкина, Абазиева 2008), наличие детей в семье негативно сказывается на реально располагаемых доходах. Доход в расчете на члена семьи является максимальным для пар без детей и уменьшается с ростом числа детей: с 25 580 евро в год на супругов без детей до 19 620 евро на членов семей, состоящих из супружеской пары и трех и более детей. Наименьшими ресурсами располагают неполные семьи, несмотря на адресованные им пособия и льготы (Eudeline и др. 2011). В целом во Франции рождение ребенка оказывает неоднозначное влияние на уровень жизни семьи. С одной стороны, появляется еще одна «потребляющая единица», но с другой, – появляется и дополнительный доход в виде пособий, а также налоговые льготы. В течение первого года после рождения ребенка динамика ресурсов варьируется от –18% до +18% в зависимости от конфигурации семьи (супружеская пара или одинокий родитель), уровня доходов и очередности рождения (Eudeline и др. 2011). В среднем рождение первого ребенка увеличивает финансо-

⁵ С учетом индексации сумма достигла 429 408 рублей в 2013 г.: <http://pro-materinskiy-kapital.ru/poluchenie/razmer/>

вые ресурсы одинокого родителя на 17% и уменьшает уровень материально-благополучия пар на 8%, в особенности – состоятельных родителей. Так для пар, располагающих душевым доходом в одну минимальную заработную плату¹ (и ниже), падение составляло 8%; для тех, чьи доходы на члена семьи составляли 1,5 минимальной заработной платы (11%), и, наконец, для более состоятельных пар падение составило 17–18%. Среди одиноких родителей, располагающих доходами менее 2 размеров минимальной заработной платы, наблюдался рост материального благополучия в связи с рождением ребенка (от +1 до +18%), а среди остальных – его снижение (от –7 до –10%) (Eudeline и др. 2011). Это позволяет сделать вывод о том, что французская семейная политика направлена на поддержку семейных пар с двумя и более детьми и одиноких родителей с одним ребенком, в обоих случаях располагающих невысокими доходами. В этой связи представляется особенно актуальной полемика вокруг проекта реформы, направленной на экономию бюджетных средств посредством урезания семейных пособий. Противники этого проекта настаивают на возможном снижении рождаемости.

Впрочем, эффективность материального стимулирования рождаемости ставится исследователями под сомнение. Что касается советской политики стимулирования рождаемости 1980-х гг., то большинство демографов соглашается, что повышение рождаемости в тот период было вызвано смещением календаря рождений на более ранние возраста, уменьшением интервалов между рожденьями и более ранним исчерпанием репродуктивного потенциала целого поколения женщин [Захаров 2006]. Анализ итоговой рождаемости реальных поколений показывает, что увеличение числа детей, рожденных женщинами 1948–1960 гг. рождения, составило не более 4%, доля же бездетных женщин едва ли сократилась (Захаров 2006). Точно так же А. Вишневский объясняет рост рождаемости, наблюдаемый в России с 2009 г. и часто преподносимый политиками как доказательство эффективности предпринятых мер, общей тенденцией к сдвигу «расписания» рождений, на этот раз – в сторону старших возрастов. Исследование репродуктивных намерений студенческой молодежи также показывает, что сугубо материальные – временные или единоразовые меры, активно используемые российским правительством начиная с 2007 г., – оказывают на них крайне ограниченное влияние (Григорьева 2008). Сравнение репродуктивного планирования женщин в обследованиях первой (2004 г.) и второй волн (2007 г.) исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее – РИДМиЖ) также свидетельствует о том, что значимого прироста желающих родить ребенка в связи с мерами, введенными с 1 января 2007 г., не наблюдается. О возможности увеличить итоговое число своих детей говорят лишь 8% мужчин и женщин фертильного возраста, и менее 1% из них

¹ 1 430 евро в месяц в 2013 г., по данным Национального института статистики и экономических исследований: www.insee.fr

выражает твердую уверенность. Среди бездетных пар три четверти заявляют, что не изменят свое поведение под действием этой политики. Авторы статьи делают вывод о том, что меры материальной поддержки могут укрепить стремление стать родителем, но едва ли могут подвигнуть к этому тех, кто изначально не хотел ребенка (Синявская, Головляница 2009). Можно добавить, что и влияние на решение о том, чтобы стать родителем, представляется относительным.

Большинство отечественных и зарубежных исследователей, соглашаются, что политика, стимулирующая рождаемость, должна быть комплексной и нацеленной в первую очередь на поддержку семьи (Синявская, Головляница 2009; Тындик 2010; Castles 2003; Esping-Andersen, Palier 2008).

Образ жизни матерей как фактор рождаемости

Негативные изменения образа жизни в связи с рождением ребенка связаны главным образом с возможностью совмещения семьи и карьеры. Это вопрос занятости женщин, их профессионального роста и образа жизни в целом, и зачастую – уровня материального благосостояния семьи. В данном разделе пойдет речь о социальной политике, которую часто называют «дружественной семье»¹. Политика такого плана обычно опирается на развитие услуг по уходу за детьми, включая повышение их доступности для детей младше 3-х лет, оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком, возможностей гибкой и неполной занятости для родителей, более активного вовлечения отцов в уход за детьми. Таким образом, акцент ставится на разрешение конфликта семья-работа. Международные сравнения позволяют утверждать, что страны, которым удалось добиться заметных успехов в продвижении политики этого типа, как правило, характеризуются пониженным риском бедности семей с детьми, повышенным уровнем занятости женщин и более высокими показателями рождаемости (Синявская, Головляница 2009; Castles 2003; Esping-Andersen, Palier 2008).

Относительно трудовой активности женщин в России на протяжении XX в. выделяются две сменяющие друг друга тенденции. Начиная с 1920–1930-х гг., был принят ряд мер для стимулирования женской занятости в рамках общей политики гендерного равенства (Здравомыслова, Темкина 2003). В результате к концу советского периода учились или работали 99,97% женщин трудоспособного возраста (18–55 лет). Несмотря на массовое внедрение детских дошкольных учреждений начиная со второй половины 1920-х гг. (Терлова 2007), они никогда не охватывали даже половины советских детей дошкольного возраста: по расчетам на 1959–1960 гг., 16%

¹ Политика, которая прямо поддерживает сочетание профессиональной, семейной и личной жизни.

детей¹ и, по данным на 1979–1980 гг., 62%². «Гендерный контракт» советского периода опирался в первую очередь на «институт бабушек» (Рабжаева 2004; Duprat-Kushtanina 2013a: 149–186).

С середины 1980-х гг. обозначается поворот в семейной политике в сторону хотя бы временного прекращения трудовой деятельности матерей. С кризисом начала 1990-х гг. резко сокращается количество детских дошкольных учреждений, ранее находившихся на балансе крупных предприятий (Работа и семья... 2008: 18), тогда как доступность дошкольных учреждений считается одним из важнейших факторов женской занятости (Esping-Andersen, Palier 2008: 31–32). В этой связи наметился переход от модели материнской занятости к модели «мужчины-добытчика», трудовая активность женщин трудоспособного возраста снизилась до 87% к 1994 г. (Терлова 2007) и до 76% к 2011 г. (Российский статистический ежегодник 2012: 128). Значительная часть детей дошкольного возраста находятся постоянно под присмотром одного из членов семьи. По данным первой волны обследования РиДМиЖ (2004 г.), среди семей, в которых есть ребенок в возрасте от 0 до 1 года, абсолютное большинство не прибегает к услугам ясель или няни, а также 89% семей с годовалыми детьми и 54% семей, в которых старшему/единственному ребенку 2 года. Большинство российских семей начинают делегировать уход за детьми только тогда, когда детям исполняется 3 года. При этом преобладают учреждения (более 90%) с наименее гибкой формой присмотра за детьми (Duprat-Kushtanina 2013a: 200–201). Таким образом, несмотря на то, что в России формально многие из инструментов «дружественной семье политики» существуют еще с советских времен, реальное их функционирование не позволяет говорить об успехах в преодолении конфликта между материнством и занятостью (Синявская, Головляницина 2009). Более того, переход к модели семьи с одним кормильцем привел к расширению поля бедности за счет семей с детьми (Захаров 2006).

Во Франции, наоборот, если не учитывать периоды войн, массовый выход француженок на рынок труда наблюдается лишь с 1960-х гг. Постепенно на смену семейной модели «мужчины-добытчика» послевоенного периода приходит модель работающей супружеской пары. Если в 1968 г. среди женщин в возрасте от 15 до 59 лет, состоящих в браке, 60% были домохозяйками (Déchaux 2009: 14), то в 2005 г. среди женщин в возрасте от 17 до 50 лет работали или учились 86–97% (Duprat-Kushtanina 2013a: 193). Давление Евросоюза в сфере гендерного равенства и возможностей совмещения работы и семьи довольно ощутимо. Оно выражается в требованиях касательно доли

¹ По данным переписи 1959 г., на территории РСФСР проживал 18 413 721 ребенок в возрасте от 0 до 6 лет (www.demoscope.ru), примерно 3 037 700 посещали дошкольные учреждения (www.gks.ru).

² Из 14 560 753 детей моложе 7 лет, зарегистрированных в ходе переписи (www.demoscope.ru), посещали дошкольные учреждения 9 009 500 (www.gks.ru).

маленьких детей, посещающих дошкольные учреждения (Silvera 2010). Сегодня во Франции 26% детей в возрасте до 3-х лет и почти 100% детей от 3-х лет посещают различные учреждения (Courtioux, Thévenon 2007).

Следует отметить, что политикой, «дружественной семье» государство принуждает и бизнес к ее проведению. Кроме того, в госсекторе работает много женщин. Бизнес обязан исполнять закон, однако «дружественная семья политика» более очевидна в крупных фирмах, у которых есть преимущество экономии на масштабах. Это касается чисто формальных практик, если же учесть неформальные отношения, то возможно, разница между крупными и мелкими фирмами будет не так существенна (Чубарова 2011).

Разница между российским и французским контекстом в области возможностей совмещения материнства и карьеры может быть лучше всего проиллюстрирована анализом влияния числа детей на профессиональную активность матерей. Во Франции для матерей, у которых есть хотя бы один ребенок моложе 3-х лет, влияние числа детей на уровень профессиональной активности очевиден. Женщины, которые устроились с рынка труда (в отпуске по беременности и родам, по уходу за ребенком или домохозяйки) составляют 16% матерей, у которых есть один ребенок, 42% матерей двоих детей, 60% матерей троих детей и 79% матерей четверых и более детей. В России же среди матерей единственного ребенка 51% находятся в отпуске (по беременности и родам или по уходу за ребенком) и 21% – домохозяйки. Среди женщин, имеющих четверых и более детей, выше доля домохозяек (50%), но ниже доля матерей в отпусках – по беременности и родам или по уходу за ребенком (17%). То есть доля не работающих матерей (временно или постоянно) не зависит от числа детей (Duprat-Kushtanina 2013a: 201–202). Таким образом, если во Франции приостановление профессиональной карьеры матерей связано с трудностью совмещения работы с воспитанием нескольких детей (когда одному из них меньше 3-х лет или перерыв между рожденьями небольшой) (Pailhé, Sinyavskaya 2009), то в России временный уход с рынка труда является нормой, начиная с рождения первого ребенка (Duprat-Kushtanina 2013a: 202).

В то же время при анализе социальной политики в области рождаемости следует учитывать и возможное формирование в ее рамках социальных норм и представлений о том, как должны вести себя родители. Анализ такого типа затрудняется временным лагом, но представляется необходимым для оценки реальных последствий семейной политики. Если наиболее глубоким эффектом мер семейной политики является воздействие на социальные нормы, то можно утверждать, что меры возвращения женщин к семейному очагу, предпринятые в середине 1980-х гг., эффективны. Как показывают данные первой волны обследования РидМиЖ (2004 г.), нормой считается прерывание трудовой активности, по крайней мере, в первые годы жизни ребенка. 72% опрошенных согласны, что ребенок в возрасте до 3-х лет будет страдать, если его мама работает (и только 13% с этим не согласны). Это

мнение является консенсусным, и на него не влияют ни пол, ни уровень образования (Duprat-Kushtanina 2013a: 204). При этом ясли и детские сады подвергаются жесткой критике за нехватку персонала и за недостаточное внимание к детям (Здравомыслова 2003: 22). Однако эти изменения не являются столь неожиданными, если учесть «гендерную культуру» России, то есть устойчивое во времени представление о «правильном» распределении ролей (Pfau-Effinger 1998). Несмотря на афишируемое равенство, СССР не был страной гендерного эгалитаризма в профессиональной, а тем более – в частной сфере (Груздева, Чертихина 1983). Поэтому временное смещение «гендерного порядка», то есть стабильных структур гендерных отношений (Pfau-Effinger 1998), в сторону эгалитаризма быстро уступило место «традиционному» порядку с четким разделением ролей. Во Франции же в области «гендерного порядка» и, по всей видимости, и «гендерной культуры» произошли существенные изменения с середины XX в. (Laufer 2001). Однако эти изменения коснулись не всех слоев. Во Франции мнения относительно работы матерей маленьких детей отражают разное видение материнства и карьеры в зависимости от уровня образования. Респонденты с высшим образованием отрицают психологический риск для детей работающих матерей, тогда как малообразованные слои разделяют это мнение (Duprat-Kushtanina 2013b).

Что касается результатов социальной политики в области бездетности, то во Франции не только один из самых высоких уровней рождаемости в Европе, но, что важно, и доля окончательно бездетных женщин (на момент выхода из репродуктивного возраста) ниже, чем в других европейских странах. Более того, если среди женщин, рожденных в 1900 г., более 20% так и не стали матерями, то для послевоенного поколения (1945–1953 г.р.) эта доля снизилась до 10% (Robert-Bobée 2006). В России же, наоборот, если для послевоенных брачных когорт доля бездетных пар была незначительной (Бондарская 1999), то в последние десятилетия наблюдается увеличение доли бездетных. Три волны исследования РиДМиЖ (2004, 2007 и 2011 гг.) показывают рост доли тех, кто не имеет детей и не намеревается их иметь: 14% – 18% – 20%. Для группы 25–35 лет эта доля ниже, но тенденция та же: 9% – 15% – 13% (Захаров 2012).

Госта Эспинг-Андерсен разработал типологию режимов государства благосостояния в зависимости от роли трех столпов социальной сферы: государства, рынка и семьи. Франция относится к континентальному типу с сочетанием систем социального страхования и социальной помощи при довольно существенном вкладе государства в предоставление услуг семьям (Esping-Andersen 1990). По некоторым показателям Франция приближается к Скандинавским странам, то есть социал-демократическому режиму, особенно в вопросе сочетания семьи и работы (Thévenon 2006). В первоначальной типологии Эспинга-Андерсена, разработанной в тот момент, когда Восточная Европа только открывалась для Западного мира,

России нет. Существуют различные мнения относительно того, к какому же типу государства ее отнести. Некоторые исследователи относят пост-коммунистическую социальную систему к консервативному типу (Джеймс и др. 1994). Однако одной из черт этого типа социальных систем, с точки зрения разделения гендерных ролей, является низкая женская занятость (Esping-Andersen 1990; Fenger 2007), тогда как социал-демократический режим подразумевает равные возможности в сфере занятости, а либеральный делает мужчин и женщин равно зависимыми от рынка труда (Esping-Andersen 1990; Pfau-Effinger 1998). В то же время с начала 1990-х гг. высказывается мнение, что пост-советские страны необходимо выделить в отдельный режим благосостояния. Так, кластерный анализ, учитывающий ряд показателей социальной ситуации и социальной политики, построенный по данным 2005 г., показал, что пост-коммунистические страны не вписываются в типологию Эспинга-Андерсена, и на этот раз их особенности трудно списать на период трансформации. Этот тип характеризуется уровнем социальных затрат государства на уровне континентального типа, однако и существенно более низким уровнем покрытия социальных нужд (Fenger 2007). Таким образом, в любой ее интерпретации типология Эспинга-Андерсена подчеркивает различия между Францией и Россией.

В то же время может возникнуть вопрос, почему модель поддержания рождаемости и снижения бездетности, которая работает во Франции, должна быть эффективной и для России? Напомним, что «культурологический поворот в социологии» наблюдается и в области исследований социальной политики (Oorschot et al. 2008). Если подняться на более высокий уровень абстракции, то выясняется, что базовые идеи социальной защиты и ее восприятие в рассматриваемых странах не столь различны. Андрэ Массон предлагает рассматривать не столько механизмы реализации, сколько идеологию социальной сферы для объяснения взаимоотношений между поколениями в семье и обществе. Он так же выделяет три типа: «модель свободного агента» (то есть либеральную философию), модель «гражданского равенства» (то есть социально-демократическая философия) и «мульти-солидарную модель» (то есть консервативная философия), где главенствующая роль отводится семье. Если рассматривать тенденции социальной политики последних десятилетий, а также общественное мнение относительно того, кто должен заботиться о детях и пожилых людях, то обе страны относятся однозначно к «мульти-солидарной» идеологии (Duprat-Kushtanina 2013a). Ожидания относительно семейного ухода достаточно высоки и в России, и во Франции, а отсутствие объективных условий для выведения некоторых функций за пределы семьи в нашей стране только ухудшают ситуацию. В этой связи становится понятно, почему режим, «разгружающий» семью, и, в первую очередь, мать, является более благоприятным для рождения хотя бы одного ребенка.

Заключение

Как показывает отечественный и зарубежный опыт, последствия мер семейной политики зачастую непредсказуемы для ее идеологов (Захаров 2006; Синявская, Головляница 2009; Céline, Zajdela 2007). В современном обществе политика в области рождаемости должна учитывать ряд разнонаправленных интересов: занятость и временную нетрудоспособность матерей, различные предпочтения в области совмещения семьи и работы. Приверженцы либеральных взглядов предлагают устранить все социальные льготы для женщин, дабы повысить их привлекательность на рынке труда (Бабаева 1997). Однако опыт Германии показывает, что меры, невнимательные к семье и детям, приводят к существенному увеличению доли бездетных женщин (Зорина 2007). В то же время, политика Франции и других европейских стран наглядно демонстрирует, что на сегодняшний день наиболее успешны эластичные государственные программы, способствующие формированию гибких норм в сфере совмещения карьеры и семейной жизни. В идеале, это политика, исключаящая риск резкого снижения уровня жизни при рождении первого ребенка и тем самым создающая основу для стимулирования рождения последующих детей. На наш взгляд, в средне- и долгосрочной перспективе такие меры должны привести к ослаблению модели «мужчины-добытчика» как единственно возможной нормы и предоставить женщинам право выбирать наиболее подходящий им способ совмещения семьи и работы. Мы полагаем, что такого рода нормативные изменения должны ослабить давление как на мужчин (которые в нынешней ситуации должны самостоятельно содержать семью хотя бы какое-то время), так и на женщин (которые вынуждены прерывать карьеру с риском никогда в нее не вернуться). Таким образом могут быть сняты ограничения на материнство карьеро-ориентированных женщин, а также бессрочное откладывание родительства парами.

Список источников

- Бабаева Л. В. Женщины: актуальные направления социальной политики (концептуальный подход к разработке Федеральной программы) // *Социологические исследования*. 1997. (7): 51–59.
- Бондарская Г. А. Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // *Мир России*. 1999. 8(4): 58–70.
- Вишневский А. Демографический прорыв или движение по кругу? // *Демоскоп Weekly*. 2012. (533–534) // <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/tema04.php> (дата обращения 19.02.2014).
- Вишневский А. Особенности российской рождаемости // *Демоскоп Weekly*. 2006. (267–268) // <http://demoscope.ru/weekly/2006/0267/tema01.php> (дата обращения 19.02.2014 г.).
- Григорьева Н. С. *Семейные стратегии современной студенческой молодежи. Решение конфликта «работа – семья»*. Региональное бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии, 2009.

- Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. *Труд и быт советских женщин*. М.: Политиздат, 1983.
- Джеймс Э., Сайлер М., Мутон П., Якушев Л. Международный опыт в области социальной защиты // *Рекомендации правительствам и парламентам стран Содружества независимых государств по вопросам политики в области социального обеспечения*. Проект ТАСИС: Реформа системы социальной защиты в Российской Федерации Москва, 1994.
- Захаров С. В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // *SPERO*. 2006. (5): 33–69.
- Захаров С. Какой будет рождаемость в России? // *Демоскоп Weekly*. 2012. (495–496) // http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/s_map.php (дата обращения 19.02. 2014 г.).
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. Т. 1. (3/4): 299–323.
- Здравомыслова О. М. *Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации*. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Зорина Е. В. Возможности и направления социальной поддержки семьи в России и Германии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. (1): 180–189.
- Леманова П. В. Барьеры рынка труда в современной России: демографический аспект // *Вестник ТГПИ*. 2012. (1): 202–209.
- Ниворожкина Л. И., Абазиева К. Г. Динамика рождаемости и уровень бедности: есть ли связь? // *Экономический вестник Ростовского университета*. 2008. 6(2): 35–45.
- Рабжаева М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // *Социологические исследования*. 2004. (6): 89–95.
- Российский статистический ежегодник*. М.: Госкомстат, 2012.
- Русанова Н. Е. Бездетная семья в России: политика государства и выбор супругов // *Труд и социальные отношения*. 2009. (8): 91–97.
- Савинская О. М. (ред.) *Работа и семья в жизни женщин с детьми-дошкольниками: опыт города Москвы*. М.: Вариант, 2008.
- Синявская О. В., Головлянищина Е. Б. Новые меры семейной политики и население: будет ли длительным повышение рождаемости? // Захаров С. В., Малева Т. М., Синявская О. В. (ред.) *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. М.: НИСП, 2009: 205–246.
- Толпегин А. В., Соколова И. А. Налоги или дань? О принципах реформирования российского налогообложения // Шаров Ф. Л. (ред.) *Материалы международной научно-практической конференции Россия и мировое сообщество перед вызовами нестабильности экономических и правовых систем*. Часть 5. М.: Издательство МИЭП, 2012: 143–151.
- Тындик А. О. Обзор современных мер семейной политики в странах с низкой рождаемостью // *SPERO*. 2009. (12): 157–176.
- Чубарова Т. В. *Социальная ответственность работодателей в рыночной экономике: работник, бизнес, государство*. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Bloch L., Glaude M. Une Approche du Coût de l'Enfant // *Economie et Statistique*. 1983. (155): 51–67.
- Castles F. G. The World Turned Upside Down: Below Replacement Fertility, Changing Preferences and Family-Friendly Public Policy in 21 OECD Countries // *Journal of European Social Policy*. 2003. (13): 209–227.
- Céline M., Zajdela H. Politique Familiale et Emplois des Mères, Peut-on Importer le Modèle Suédois? // *Travail, Genre et Sociétés*. 2007. 1(17): 145–163.

- Courtioux P., Thévenon O. Les Politiques Familiales Dans l'Union Européenne et la Stratégie de Lisbonne: Quelques Enseignements de l'Expérience Française // *Horizons Stratégiques*. 2007. 2(4): 176–195.
- Déchaux J.– H. *Sociologie de la Famille*. Paris: La Découverte, 2009.
- Duprat-Kushtanina V. *La Grand-Parentalité au Prisme du Care: Une Étude Comparative des Figures Sexuées et Temporelles (France – Russie)*. Thèse de Doctorat. Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2013a.
- Duprat-Kushtanina V. Le Care Auprès des Enfants Dans un Parcours de vie Féminin, les Rôles des Mères et des Grand-Mères (France-Russie) // *Recherches Familiales*. 2013b. 1 (10): 139–147.
- Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Esping-Andersen G., *Palier B. Trois Leçons sur l'État-Providence*. Paris: Seuil, 2008.
- Eudeline J.– F., Garbinti B., Lamarche P., Roucher D., Tomasini M. L'effet d'Une Naissance Sur le Niveau de Vie du Ménage // *Les Revenus et le Patrimoine des Ménages, Édition 2011*. Paris: INSEE, 2011: 83–93.
- Fenger H.J.M. Welfare Regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating Post-Communist Countries in a Welfare Regime Typology // *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences*. August 2007.
- Lattès G. Aide à la Famille et Coût des Enfants // *Economie et Statistique*. 1987. (203): 61–66.
- Laufer J., Marry C., Maruani M. *Masculin-Féminin: Questions Pour les Sciences de l'Homme*. Paris: PUF, 2001.
- Masson A. *Des Liens et des Transferts Entre Générations*. Paris: Editions de l'École des Hautes Etudes en Sciences Sociales. 2009.
- Oorschot van W., Opielka M., Pfau-Effinger B. The Culture of the Welfare State: Historical and Theoretical Arguments // *Culture and Welfare State: Values and Social Policy in Comparative Perspective*. Edward Elgar: Cheltenham, UK – Northampton, MA, USA, 2008.
- Pailhé A., Sinyavskaya O. Le Travail des Femmes en France et en Russie: l'Effet des Enfants et des Valeurs de Genre // *Revue d'Études Comparatives Est-Ouest – RECEO*. 2009. 40(3–4): 273–314.
- Pfau-Effinger B. Gender Cultures and the Gender Arrangement – a Theoretical Framework for Cross-National Gender Research // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 1998. 11 (2): 147–166.
- Prioux F. L'évolution Démographique Récente en France: la Fécondité à Son Plus Haut Niveau Depuis Plus de Trente Ans // *Population*. 2007. 62 (3): 489–531.
- Robert-Bobée I. Ne Pas Avoir eu d'Enfant: Plus Fréquent Pour les Femmes les Plus Diplômées et les Hommes les Moins Diplômés // *France, Portrait Social, Édition*. 2006: 181–196.
- Teplova T. Welfare State Transformation, Childcare, and Women's Work in Russia // *Social Politics*. 2007. 3 (14): 284–322.
- Thévenon O. Compenser le Coût des Enfants: Quelles Implications Pour les Politiques Familiales? // *Politiques Sociales et Familiales*. 2009. (98): 85–95.
- Thévenon O. Régimes d'Etat Social et Convention Familiale: Une Analyse des Régulations Emploi-Famille // *Economie et Société*. 2006. (27–6): 1137–1171.

SOCIAL POLICY IN THE FIELD OF PARENTING AND CHILDLESSNESS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA AND FRANCE

*Natalia Grigorieva**

*Veronika Duprat-Kushtanina***

*Sharova Maria****

The article presents an analysis of Russian and French family policy from the point of view of preventing non-medical childlessness. The focus on a comparative analysis aims to reflect both the differences of welfare state regimes and the resemblance of the ideologies in use in their social sector, which relies mostly on families. Over the past few decades, the proportion of childless people has continued to grow in Russia. At the same time, a reduction has been observable in France. The best incentive for reducing childlessness would appear to be a complex social policy minimizing the negative consequences of maternity such as drops in income and radical lifestyle changes. This policy should be flexible, leaving young mothers with the choice in deciding when they should return to work, how to fix their working schedule and what type of childcare is preferable for them. This policy could erase a number of obstacles to motherhood for both single women and those who perceive their partnership as unstable without overloading the state welfare system in the process. This policy is intended to make parenting “affordable” and gradually form more positive perceptions of parenting.

Key words: family policy, childlessness, parenting, financial fecundity incentives, family-friendly policy

References

- Babaeva L. V. (1997). Zhenshchiny: aktual'nye napravleniya sotsial'noy politiki (konseptual'nyy podkhod k razrabotke Federal'noy programmy) [Women: Actual Trends in Social Policy (a Conceptual Approach to an Elaboration of the Federal Program)]. *Sotsiolo-gicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (7): 51–59.
- Bloch L., Glaude M. (1983) Une Approche du Coût de l'Enfant [On a Child's Cost]. *Economie et Statistique* [Economics and Statistics], (155): 51–67.

* Natalia S. Grigorieva – Doctor of Political Science, Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, e-mail: grigorieva@spa.msu.ru

** Veronika A. Duprat-Kushtanina – Candidate of Sociological Science, PhD (Sociology), Research Associate, Institute for Interdisciplinary Studies of Social Issues, Paris, e-mail: veronika.kushtanina@gmail.com

*** Maria A. Sharova – Researcher, Institute of Economy, Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: m.sharova@mail.ru

- Bondarskaya G. A. (1999) Izmenenie demograficheskogo povedeniya rossiyskikh semey za 100 let [Changes in the Demographic Behavior of Russian Families over the Last 100 Years]. *Mir Rossii* [The Universe of Russia], 8 (4): 58–70.
- Castles F. G. (2003) The World Turned Upside Down: Below Replacement Fertility, Changing Preferences and Family-Friendly Public Policy in 21 OECD Countries. *Journal of European Social Policy*, (13): 209–227.
- Céline M., Zajdela H. (2007) Politique Familiale et Emplois des Mères, Peut-on Importer le Modèle Suédois? [Family Policy and Mothers' Employment: Can We Import the Swedish Model?]. *Travail, Genre et Sociétés* [Work, Gender and Society], 1 (17): 145–163.
- Chubarova T. V. (2011) *Sotsial'naya otvetstvennost' rabotodately v rynochnoy ekonomike: rabotnik, biznes, gosudrastvo* [The Social Responsibility of Employers in a Market Economy: Employee, Business, State]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.
- Courtioux P., Thévenon O. (2007) Les Politiques Familiales Dans l'Union Européenne et la Stratégie de Lisbonne: Quelques Enseignements de l'Expérience Française [Family Policy of the UE Countries and Lisbonne Strategy: Some Lessons of French Experience]. *Horizons Stratégiques* [Strategic Horizons], 2 (4): 176–195.
- Déchaux J.-H. (2009) *Sociologie de la Famille* [Sociology of the Family], Paris: La Découverte.
- Duprat-Kushtanina V. (2013a) *La Grand-Parentalité au Prisme du Care: Une Étude Comparative des Figures Sexuées et Temporelles (France – Russie)* [Grandparenthood as Caring Relations: a Comparative Study of Gendered and Temporal Figures], PhD Dissertation, Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales.
- Duprat-Kushtanina V. (2013b) Le Care Auprès des Enfants Dans un Parcours de Vie Féminin, les Rôles des Mères et des Grand-Mères (France-Russie) [Taking Care of Children in a Woman's Life Course, Roles of Mothers and Grandmothers (France-Russia)], *Recherches Familiales* [Family Research], 1 (10): 139–147.
- Dzheyms E., Sayler M., Muton P., Yakushev L. (1994) Mezhduranodnyy opyt v oblasti sotsial'noy zashchity [International Experience in the Sphere of Social Protection], *Rekomendatsii pravil'stvam i parlamentam stran Sodruzhestva Nezhknavisimyykh gosudarstv po voprosam politiki v oblasti sotsial'nogo obespecheniya* [Recommendations for Governments and Parliaments of the CIS Countries Regarding Social Protection Policy], Projekt TESIS: Reforma sistemy sotsial'noy zashchity v Rossiyskoy Federatsii, Moskva.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Cambridge: Polity Press.
- Esping-Andersen G., Palier B. (2008) *Trois leçons sur l'État-providence*, Paris: Seuil.
- Eudeline J.-F., Garbinti B., Lamarche P., Roucher D., Tomasini M. (2011) L'effet d'Une Naissance sur le Niveau de Vie du Ménage [The Effect of a Birth on a Household's Life-Level]. *Les Revenus et le Patrimoine des Ménages, Édition 2011* [Incomes and Property of Households, 2011 Edition]. Paris: INSEE: 83–93.
- Fenger H. J.M. (2007) Welfare Regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating Post-Communist Countries in a Welfare Regime Typology. *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences*, August.
- Grigor'eva N.S. (2009) Semeynye strategii sovremennoy studencheskoy molodezhi. Reshenie konflikta "rabota – sem'ya" [The Family Strategies of Modern Student Youth. Solutions to Conflicts in the Life-Work Balance]. Regional'noe byuro MOT dlya stran Vostochnoy Evropy i Tsentral'noy Azii [Regional Bureau of WLO for East European Countries and Central Asia].
- Gruzdeva E. B., Chertikhina E. S. (1983) *Trud i byt sovetskikh zhenshchin* [Labor and Everyday Life of the Soviet Women], Moscow: Politizdat.

- Lattès G. (1987) Aide à la Famille et Coût des Enfants [Family Benefits and Child Cost]. *Economie et Statistique* [Economics and Statistics], (203): 61–66.
- Laufer J., Marry C., Maruani M. (2001) *Masculin-Féminin: Questions pour les Sciences de l'Homme* [Masculine-Feminine: Questions for Social Sciences], Paris: PUF.
- Lemanova P. V. (2012) Bar'ery rynka truda v sovremennoy Rossii: demograficheskiy aspekt [Barriers of the Labor Market in Contemporary Russia: the Demographic Aspect]. *Vestnik TGPI* [Taganrog Pedagogical University Journal], (1): 202–209.
- Masson A. (2009) *Des Liens et des Transferts Entre Générations* [Ties and Transfers Between Generations], Paris: Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales.
- Nivorozhkina L. I., Abazieva K. G. (2008) Dinamika rozhdæemosti i uroven' bednosti: est' li svyaz'? [Fertility Dynamics and Poverty Level: is There a Link?], *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo universiteta* [Rostov University Economic Journal], 6 (2): 35–45.
- Oorschot van W., Opielka M., Pfau-Effinger B. (2008) The Culture of the Welfare State: Historical and Theoretical Arguments. Oorschot van W., Opielka M., Pfau-Effinger B. (eds.) *Culture and Welfare State: Values and Social Policy in Comparative Perspective*. Edward Elgar: Cheltenham, UK – Northampton, MA, USA.
- Pailhé A., Sinyavskaya O. (2009) Le Travail des Femmes en France et en Russie: l'Effet des Enfants et des Valeurs de Genre [Women's Labor in France and in Russia: Effects of Children and Gendered Values], *Revue d'Études Comparatives Est-Ouest – RECEO* [Revue of Comparative East-West Studies – RECEO], 40 (3–4): 273–314.
- Pfau-Effinger B. (1998) Gender Cultures and the Gender Arrangement – a Theoretical Framework for Cross-National Gender Research. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 2 (11): 147–166.
- Prioux F. (2007) L'évolution Démographique Récente en France: la Fécondité à Son Plus Haut Niveau Depuis Plus de Trente Ans [The Recent Demographic Evolution in France: the Maximum of Fecundity for the Last 30 Years]. *Population*, 62 (3): 489–531.
- Rabzhaeva, M.V. (2004) Istoriko-sotsial'nyy analiz semeynoy politiki v Rossii XX veka [Sociohistorical Analyses of Russian Family Policy of the 20th Century]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (6): 89–95.
- Savinskaya O. (eds.) (2008) Rabota i sem'ya v zhizni zhenshchin s det'mi-doshkol'nikami: opyt goroda Moskvy [Work and Family in the Lives of Women with Children Under School Age: the Case of Moscow], Moscow: Variant.
- Robert-Bobée I. (2006) Ne Pas Avoir eu d'Enfant: Plus Fréquent Pour les Femmes les Plus Diplômées et les Hommes les Moins Diplômés [Having not Had Children: More Frequent Between the Most Educated Women and the Less Educated Men], *France, Portrait Social, Édition 2006* [France, a Social Portrait, 2006 edition]: 181–196.
- Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistics Yearbook], Moscow: Goskomstat, 2012.
- Rusanova N. E. (2009) Bezdetnaya sem'ya v Rossii: politika gosudarstva i vybor suprugov [The Childless Family in Russia: State Policy and Spouses' Choices]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [Labor and Social Relations], (8): 91–97.
- Sinyavskaya O. V., Golovlyanitsina E. B. (2009) Novye mery semeynoy politiki i naselenie: budet li dlitel'nym povyshenie rozhdæemosti? [New Measures of Family Policy and Population: Will the Increase in Fertility Last?]. Zakharov S. V., Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (eds.) *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve* [Parents and Children, Men and Women in Family and Society], Moscow: NISP:205–246.

- Teplava T. (2007) Welfare State Transformation, Childcare, and Women's Work in Russia. *Social Politics*, 3 (14): 284–322.
- Thévenon O. (2009) Compenser le Coût des Enfants: Quelles Implications Pour les Politiques Familiales? [Compensate Children's Cost: What Implications for Family Policy?]. *Politiques Sociales et Familiales* [Social and Family Policy], (98): 85–95.
- Thévenon O. (2006) Régimes d'Etat Social et Convention Familiale: Une Analyse des Régulations Emploi-Famille [Social State Regimes and Family Convention: an Analyses of Work-Family Regulations]. *Economie et Société* [Economy and Society], 6 (27): 1137–1171.
- Tolpegin A. V., Sokolova I. A. (2012) Nalogi ili dan'? O printsipakh reformirovaniya rossiyskogo nalogooblozheniya [Taxes or Tribute? The Principles in Reforming the Russian Tax System]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Rossiya i mirovoe soobshchestvo pered vyzovami nestabil'nosti ekonomicheskikh i pravovykh system"*. Chast' 5. [Proceedings from an International Conference on "Russia and International Community Facing the Challenges of Instability in Economic and Legal Systems". Part 5], Moscow: Izdatel'stvo MIEP: 143–151.
- Tyndik A. O. (2009) Obzor sovremennykh mer semeynoy politiki v stranakh s nizkoy rozhdamost'yu [A Review of Contemporary Family Policy Measures in Countries with Low Fertility Rates]. *SPERO*, (12): 157–176.
- Vishnevskiy A. (2012) Demograficheskiy proryv ili dvizhenie po krugu? [A Demographic Revolution or a Vicious Circle?], *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], (533–534): (accessed 19 February 2014). Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/tema04.php>
- Vishnevskiy A. (2006) Osobennosti rossiyskoy rozhdamosti [On the Particularities of Fertility in Russia]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], (267–268). Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0267/tema01.php> (accessed 19 February 2014)
- Zakharov S. V. (2006) Demograficheskiy analiz efekta mer semeynoy politiki v Rossii v 1980-kh gg. [A Demographic Analysis of the Effect of Family Policy in Russia in the 1980's] *SPERO*, (5): 33–69.
- Zakharov S. (2012) Kakoy budet rozhdamost' v Rossii? [What will Fertility be Like in Russia?]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], (495–496): (accessed 19 February 2014). Available at: http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/s_map.php
- Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State Construction of Gender in Soviet Society]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 1 (3–4): 299–323.
- Zdravomyslova O. M. (2003) *Sem'ya i obshchestvo: gendernoe izmerenie rossiyskoy transformatsii* [Family and Society: the Gender Dimension in Russia's Transformation], Moscow: Editorial URSS.
- Zorina E. V. (2007) Vokhmozhnosti i napravleniya sotsial'noy podderdki sem'i v Rossii i Germanii [The Possibilities and Main Trends in Providing Social Support to Families in Russia and Germany]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and So-cial Anthropology], (1): 180–189.